

Эмоциональный поворот в международных отношениях: дипломатия эмоций

К.М. ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА*

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина (Россия)

Аннотация

В статье рассматривается «эмоциональный поворот» в изучении мировой политики и международных отношений. Основной целью статьи является систематизация и обобщение имеющихся исследований, связанных с изучением эмоций в политическом узусе. На примере контент-анализа январской речи (2025 г.) Папы Франциска делается вывод об содержании термина «дипломатии надежды» на международной арене. Общий итог сводится к тому, что эмоции могут влиять на национальные государства при формировании политических стратегий. Распространение концепции мягкой силы и публичной дипломатии подчеркивает необходимость сосредоточиться на привлечении, а не на принуждении в современных международных отношениях. Однако негативные чувства и эмоции на данный момент времени преобладают во внешнеполитической риторике, так как при помощи чувств страха, гнева, ненависти «легче» объединить сообщества, чем при помощи надежды и эмпатии, не смотря на то, что последние активно функционируют в дипломатическом и политическом узусе.

Ключевые слова

дипломатия, эмоциональная дипломатия, эмоции, международные отношения, эмоциональный поворот, Ватикан

Для цитирования

Табаринцева-Романова К.М. (2025). Эмоциональный поворот в международных отношениях: дипломатия эмоций. *Управление и политика*. 1(4). С. 69–76. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-1-69-76

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

* Табаринцева-Романова Ксения Михайловна – к.ф.н., доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 20083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
E-mail: kseniaromanova@urfu.ru

Изучение эмоций в международных отношениях – неоднозначная, но весьма привлекательная тема. В представленной работе рассмотрим основные научно-исследовательские векторы, связанные с изучением эмоций и аффектов в мировой политике и международных отношениях (Hutchison, 2004; 2010; 2014; 2016; 2017). В качестве исследовательского кейса проанализируем функционирование термин-поля «дипломатия надежды» в политологическом узусе, концентрируясь на папском послании от января 2025 г.

Напомним, что «эмоциональный поворот» в социальных науках связан с попыткой изучить и каким-то образом измерить чувства, эмоции, аффекты в общественных процессах с 1980-х гг. В международных отношениях «мэтрами» данного поворота стали исследователи Э. Хатчисон и Р. Блейкер. Авторы предложили выделить четыре сферы, играющие ключевую роль в понимании политического значения эмоций: важность определений; роль тела; вопросы репрезентации; переплетение эмоций и власти; а также выделили две составляющие эмоционального поворота: микроподход – анализ уникальных эмпирических кейсов, о том, как определенные эмоции в конкретных условиях оказывают влияние на политические процессы; и макроподход – абстрактный уровень теоретического обобщения, он ориентирован на изучение природы и функций политических эмоций и их механизмов воздействия на политическую среду (Hutchison, 2014; 2016). С. Кошут предложил анализировать речи (а также опубликованные тексты)

политиков при помощи когнитивного лингвистического дискурсивного анализа (Koschut, 2014).

Еще одной любопытной работой стала книга Д. Моизи «Геополитика эмоций: как культуры страха, унижения и надежды меняют мир», где автор группирует страны по той или иной эмоции (при этом некоторые страны могут содержать все три рассмотренные эмоции), выделив культуру страха (США, Европа), культуру унижения, потенциально перерастающая в культуру ненависти (Ближний Восток, мусульманский мир), культуру надежды (Китай, Республика Корея, Индия). Так, европейцы опасаются отстать в экономике и превратиться в место для «туристов и пенсионеров»; ощущают потерю контроля и ведут политику умиротворения; американцы решают проблемы по месту их возникновения за границей¹.

К наиболее значимым российским работам можно отнести исследования Г. Коцур (Коцур, 2021), М.В. Стрежневой (Стрежнева, 2024), В.А. Аванской (Аванская, 2018), О.В. Нагорных и А.А. Керимова (Нагорных, Керимов, 2018). Авторами подчеркивается, что эмоции стали изучаться как социальные отношения, анализируемые сквозь призму их выражения. Политические эмоции не всегда могут сознательно ощущаться (например, страх, обида, надежда, цинизм), имеют как ситуативный, так и долговременный характер.

Не стоит забывать и о концепции «эмоциональной географии», изучающей эмоциональные аспекты пространства². В рамках данной концепции исследуется, как эмоции «объединяются» вокруг

¹ Moisi, D. The Geopolitics of Emotion: How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope Are Reshaping the World. URL: <https://archive.org/details/geopoliticsofemo000mois> (accessed 10.02.2025)

² Knudsen, B. (2006). Emotional Geography Authenticity, Embodiment and Cultural Heritage // *Ethnologia Europaea*. URL: https://www.academia.edu/52169010/Emotional_geography_Authenticity_embodiment_and_cultural_heritage (accessed 02.02.2025)

определенных мест; как чувства влияют на поведение человека в местах его проживания.

Особо стоит обратить внимание на идею «эмоциональной дипломатии», которая предоставляет теоретические инструменты, необходимые для понимания природы и значения эмоционального поведения на государственном уровне, и предлагает проанализировать то, как государства стремятся к примирению, стратегически реагируют на непредвиденные кризисы и демонстрируют решительность перед лицом предполагаемых провокаций.

Согласно Т.Х. Холлу, государственные деятели используют официальные эмоции посредством предписанных лингвистических и символических выражений, связанных с конкретными действиями, в качестве целенаправленного средства для достижения ключевых политических целей. «Эмоциональная дипломатия» – официальная демонстрация определенной эмоциональной реакции одного государства другому посредством синхронизированного поведения на всех уровнях власти – является важным стратегическим инструментом, имеющим далеко идущие международные политические последствия (Hall, 2016). На данный момент в научной литературе по международным отношениям основное внимание уделяется негативным эмоциям, таким как страх, гнев, месть, ненависть или чувство вины, однако недавние исследования показали важность дружелюбия для формирования внешней политики (Hall, 2016).

Обобщая проанализированную литературу, можно сделать следующие выводы. Во-первых, все исследователи отмечают «нехватку» как теоретических, так и разбора конкретных кейсов по эмоциям в международных отношениях. Во-вторых, сам объект неоднозначен и многоаспектен, а именно что мы можем изучать: эмоции людей, эмоции политиков и их трансляция на окружающих, событие/локация (географическое пространство, культурный, в том числе и религиозный объект и т.п.), формирующий те или чувства и эмоции. В-третьих, возникает вопрос измерения влияния транслируемых эмоций особенно положительных на общество. В-четвертых, остается дискуссионной темой, насколько с помощью информационно-коммуникативных технологий мы можем с одной стороны, составлять «эмоциональные и чувственные» политические речи, а с другой стороны, как мы можем обезопасить общество от «навязывания» тех или иных переживаний извне. Таким образом, «эмоциональный поворот» в международных отношениях требует междисциплинарного подхода и напрямую связан с культурной безопасностью и системой управления и власти того или иного государства, «мягкой» силой и культурной дипломатией.

Кратко напомним о том, что неоднократно предпринимались попытки выделить универсальный ряд человеческих эмоций, которые выражаются одинаково независимо от культуры. К ним относятся радость, страдание, грусть, страх, гнев, отвращение и удивление. Также выделяют социальные эмоции: стыд, смущение,

³ Впервые можно увидеть в работах Х. Арендт «О революции». Так она объясняет, почему Французская революция потерпела неудачу, Арендт проводит различие между жалостью и солидарностью. Жалость – это чувство, основанное на эмоциональном сострадании к тем, кто страдает. Но, по мнению Арендт, жалость – это абстрактное сострадание, основанное на дистанции между тем, кто испытывает жалость, и тем, к кому она направлена.

чувство вины, гордость, эмпатия. Чувства подразделяются на нравственные (чувство долга, гуманность, любовь, патриотизм, сочувствие и др.), эстетические (восхищение) и интеллектуальные (удивление, любопытство, любознательность и др.).

При анализе нам удалось выделить следующие «эмоциональные политики и дипломатии»: политика жалости³, политика печали, дипломатия симпатии, сочувствия, гнева, вины и надежды. В частности, дипломатия гнева подразумевает яростное и открытое проявление гнева на государственном уровне в ответ на предполагаемое нарушение. Хотя дипломатия гнева грозит стремительной эскалацией в случае дальнейших нарушений, ее можно смягчить примирительными жестами, и со временем она утихнет, если не будет новых провокаций. Такой вид дипломатии способствует тому, что определенные вопросы воспринимаются как чувствительные и нестабильные и, следовательно, выходят за рамки стандартных переговорных взаимодействий. Дипломатия вины включает в себя существенные действия по исправлению или компенсации предполагаемого проступка; в некоторых случаях это может даже повлечь за собой значительные расходы; сочетает в себе дискурс о проступках, раскаянии и извинениях с символическими демонстрациями, призванными усилить образ о покаянии и ответственности.

Сосредоточимся на характеристике дипломатии надежды. Надежда, как правило, рассматривается как ресурс и «движущая» сила преобразований, расширения прав. Однако результат надежды связан с гипотетическим будущим и бесконечными ожиданиями. С этой точки зрения она может служить инструментом

для подавления и ограничения действий, «бросающих вызов политическому и юридическому статус-кво»⁴.

Несмотря на успехи, достигнутые в области изучения эмоций в международных отношениях, мы все еще имеем ограниченное представление о роли надежды в дипломатической практике. Во времена политических перемен государства с большей вероятностью прибегают к «дипломатии надежды» для формирования своих будущих дипломатических отношений. Так, К. Лэкэтуш, анализируя содержание постов высокопоставленных чиновников администрации Дж. Байдена и ЕС после выборов в США в 2020 г., отметила, что стороны практикуют «дипломатию надежды»: они выражают свой энтузиазм, обещают возобновить трансатлантические отношения и подтверждают свою взаимную приверженность достижению общих целей. Тем не менее, стратегические подходы обеих сторон различаются в том, что касается предпочтительного направления сотрудничества и предложения по пересмотру ролей мирового лидера (Lacatus, 2023). На самом деле встает вопрос, действительно ли о надежде идет речь, или это международный дипломатический язык этикета, требующий вежливости и определенных клише при общении. Встает риторический вопрос, можем ли мы говорить об искренности, если подписываем документ, *искренне Ваш...*?

Обратимся к анализу термин-поля «дипломатия надежды» в рамках узуса католической церкви как субъекта международных отношений, в общих представлениях наиболее связанным с эмпатией, сочувствием и надеждой. Первый раз данное словосочетание встречается в рамках обсуждения вышедшей в 2023 г. книги

⁴ Sacks, J. (1997). Politics of Hope: Transformation or stagnation? URL: <https://ebrary.net/234696/education/conclusions#110> (accessed 02.02.2025)

Э. Фатторини «Акилле Сильвестрини. Дипломатия надежды», в которой описывается дипломатическая деятельность кардинала. Однако в январе 2025 г. на ежегодной аудиенции для дипломатического корпуса, аккредитованного при Святом Престоле, Папа Римский Франциск изложил свое видение «дипломатии надежды», основанной на истине, прощении, свободе и справедливости⁵. В этот же период на встрече со священниками, религиозными деятелями и пастырями в Княжестве Монако секретарь по связям с государствами и международными организациями архиепископ Галлахер уточнил, что «дипломатия надежды – важнейший инструмент для достижения мира»⁶. До январской речи изучаемый концепт не встречался в папских энцикликах, но за текущие два месяца активно «разошелся» в СМИ. Проанализировав сопутствующие «эмоциональные» лексемы, мы можем выделить такие ключевые эмоции и чувства, как справедливость, ответственность, прощение, недоверие, страдание. Например, Святой Престол, прилагая дипломатические усилия, «с состраданием» взирает на *страдания* мира, обращается к нему с сочувствием, прислушивается к нуждам и предлагает инновационные решения для урегулирования конфликтов, будь то на Украине, Ближнем Востоке, Кавказе или в Йемене⁷. Ан. Спадаро, редактор влиятельного римского журнала «La Civiltà Cattolica», выделил пять аспектов дипло-

матической деятельности Франциска: «геополитика, которая устраняет фундаментализм и страх перед хаосом»; «геополитика, которая не рассматривает католицизм как политического гаранта власти»; «дипломатия полевых госпиталей»; «неполная» и «открытая» дипломатия»; «дипломатия солидарности», назвав внешнеполитическую деятельность Папы «дипломатией милосердия»⁸.

С точки зрения феминистского христианского реализма, надежда – центральная тема политического богословия, «лежащая в основе необходимости свидетельствовать о репрессивных структурах и бороться с ними» (Caron, 2020). Проще говоря, надежда – это желание сделать жизнь лучше. Для христиан эта надежда проистекает из веры в воскресение Христа и в то, что такое искупление предлагается всему человечеству. Однако не стоит забывать, что надежда не ограничивается христианством и, следовательно, христианским богословием.

Еще одно упоминание «дипломатии надежды» встречается как заглавие книги Н.Р. Боулза «Дипломатия надежды: ООН со времен холодной войны», посвященной обзору деятельности ООН в области безопасности⁹. Еще один вариант «эмоциональной дипломатии» – дипломатия сострадания. Так члены Всемирного фонда счастья в сентябре 2024 г. призывали к дипломатии прощения, сострадания и щедрости¹⁰.

⁵ Pope proposes 'diplomacy of hope' to members of Diplomatic Corps. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2025-01/pope-francis-diplomacy-hope-corp-state-of-world-address.html> (accessed 20.02.2025)

⁶ Archbishop Gallagher: 'Diplomacy of hope is an essential tool for peace'. URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2025-01/gallagher-diplomacy-of-hope-is-an-essential-tool-for-peace.html> (accessed 20.02.2025)

⁷ Discorso del Santo Padre Francesco ai membri del corpo diplomatico accreditato presso la Santa Sede per la presentazione degli auguri per il nuovo anno. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/it/speeches/2025/january/documents/20250109-corpo-diplomatico.html> (accessed 20.02.2025)

⁸ La Civiltà Cattolica editor describes pope's 'diplomacy of mercy'. URL: <https://www.ncronline.org/news/vatican/la-civiltà-cattolica-editor-describes-popes-diplomacy-mercy> (accessed 20.02.2025)

⁹ Bowles, N.R. (2004). The Diplomacy of Hope: the United Nations since the Cold War. URL: https://archive.org/details/diplomacyofhopeu0000bowl_j5b5/page/n5/mode/2up (accessed 02.02.2025)

¹⁰ A Call for a New Diplomacy: Forgiveness, Compassion, and Generosity as the Path Forward. URL: <https://worldhappiness.foundation/blog/community/a-call-for-a-new-diplomacy-forgiveness-compassion-and-generosity-as-the-path-forward/#> (accessed 20.02.2025)

Как мы видим, дипломатия надежды связана с сочувствием, состраданием, признанием нерешаемых проблем, но при этом стоит обратить внимание на отсутствие субъектности, т.е. активное действие субъекта, провозглашающего надежду, сводится к ожиданиям, а не конкретным поступкам.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что изучение эмоций в международных отношениях и дипломатии является весьма актуальным и востребованным. Оно напрямую связано с использованием мягкой силы и культурной дипломатии. В современных геополитических реалиях мы все чаще наблюдаем апеллирование к тем или иным чувствам и эмоциям мирового сообщества, при этом они выражаются не только с площадок и трибун международных организаций, но и в посланиях к нации, или в интервью газете, или в посте социальных сетей, якобы предназначавшиеся для распространения внутри государства, подспудно может иметь умысел привлечь внимание и иностранной аудитории (яркий пример, который мы можем наблюдать в режиме реального времени – это «опосредованная дискуссия» между Д. Трампом, В. Зеленским и европейскими политиками: так европейские лидеры весьма эмоционально комментируют высказывания американского президента в адрес украинского, опубликованные в соцсети Truth Social).

«Эмоциональный поворот» сопряжен с полимодальностью и междисциплинарностью исследований, а также с трансформационной силой культурной дипломатии. Сама идея привлекательности, постулируемая концепцией «мягкой силы», обращает исследователей к вопросу эмоций, а не логики и разума, т.к. привлекательность изначально строится на провоцировании тех или иных чувств или эмоций, связанных

с определенным государством (оно должно нравиться), при этом речь идет естественно о положительных эмоциях. Однако, как показал анализ, государства прибегают к использованию отрицательно окрашенной риторики и формированию негативных эмоций по отношению к тому или иному событию, что приводит к функционированию в политическом узусе дипломатии гнева, страха, в том время как сострадание, сочувствие и надежда используются опять же «в привязке» с трагическими событиями. В то время как эмпатия и радость практически не функционируют при формировании внешнеполитической повестки, только в рамках двусторонних отношений, которые на данный момент времени и так благополучно развиваются. Возникает парадокс притягательности: она не формируется за счет возбуждения положительных эмоций в международных отношениях. Помимо этого, встает вопрос о методике исследования эмоций: мы можем проанализировать речи, тексты политиков на предмет тех или иных эмоций, но как посчитать насколько последние были действительно «вызваны», закреплены и проявлены (осознанно/неосознанно) в обществе? Результаты анализа постов в соцсетях и комментариев не всегда объективны, поскольку комментарии могут «накручиваться», особо значимые посты могут быть заблокированы для комментариев. Рост туристического притока, числа иностранных студентов, покупки той или иной продукции в долгосрочных исследованиях могут опосредованно говорить об «эмоциональном», но данный тезис тоже крайне спорен. Поэтому пока мы только можем фиксировать те или иные эмоции и наблюдать за кратковременным откликом (или его отсутствием) в иностранных СМИ или ответных выступлениях других политиков и дипломатов.

Received: February 12, 2025

Accepted: March 24, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-1-69-76

UDC: 327

International Relations / Research article

EMOTIONAL TURN IN INTERNATIONAL RELATIONS: EMOTIONAL DIPLOMACY

Ksenia M. Tabarintseva-Romanova, PhD (Philological Sciences),
Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations,
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Lenin Ave., 51, 620083 Yekaterinburg, Russia.
E-mail: kseniaromanova@urfu.ru

Abstract: The article examines the “emotional turn” in the study of world politics and international relations. The main goal of the article is to systematize and summarize existing research related to the study of emotions in political usage. Using the example of content analysis of Pope Francis’s January 2025 speech, a conclusion is made about the use of the term “diplomacy of hope” in the international arena. The overall result is that emotions can influence nation states in forming political strategies. The spread of the concept of “soft” power and public diplomacy emphasizes the need to focus on attraction rather than coercion in modern international relations. However, negative feelings and emotions currently prevail in foreign policy rhetoric, since it is “easier” to unite communities with the help of feelings of fear, anger, hatred than with the help of hope and empathy, despite the fact that the latter actively function in diplomatic and political usage.

Keywords: diplomacy, emotional diplomacy, emotions, international relations, emotional turn, Vatican.

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References

- Caron, E.G. (2020). The Politics of Hope: Privilege, Despair and Political Theology. *International Affairs*, 96(2), 365–382. DOI: /10.1093/ia/iiaa011
- Hall, T.H. (2016). Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage. *International Affairs*, 92(1), 198–199. DOI:10.1111/1468-2346.12518
- Hutchison, E. (2010). Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing. *International Relations*, 24(1), 65–86.
- Hutchison, E. (2014). A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami. *International Political Sociology*, 8 (1), 1–19.
- Hutchison, E. (2014). *Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma*. Cambridge: Cambridge University Press, 378 p.
- Hutchison, E. (2019). Emotions, Bodies, and the Un/Making of International Relations. *Millennium*, 47(2), 284–298.
- Hutchison, E. & Bleiker, R. (2014). Theorizing Emotions in World Politics. *International Theory*, 6(3), 491–514.
- Hutchison, E. & Bleiker, R. (2017). Emotions, Discourse and Power in World Politics. *International Studies Review*, 19(3), 501–508.

Koschut, S. (2014). Emotional (Security) Communities: The Significance of Emotion Norms in Inter-Allied Conflict Management. *Review of International Studies*, 3, 533–558.

Lacatus, C. & Blanc, E. (2023). Diplomacy of Hope: Transatlantic Relations in the Transition from Trump to Biden. *Foreign Policy Analysis*, 19(4). DOI:10.1093/fpa/orad026

Avanskaya, V.A. (2018). Metodologiya izucheniya emotsiy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Methodology for Studying Emotions in International Relations]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 3(13), 43–60. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-3-43-60

Kotsur, G. (2021). Emotsii i mezhdunarodnyye otnosheniya [Emotions and International Relations]. *Mezhdunarodnyye protsessy*, 19(3), 43–67. DOI:10.17994/IT.2021.19.3.66.2

Nagornyykh, O.V. & Kerimov, A.A. (2018). Evolyutsiya vzglyadov na rol' emotsiy v politike v zarubezhnoy sotsiopoliticheskoy nauke [Evolution of Views on the Role of Emotions in Politics in Foreign Sociopolitical Science]. *Politicheskaya lingvistika*, 4, 125–129.

Strezhneva, M. (2024). Emotsii i affekt v mirovoy politike [Emotions and Affect in World Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 1, 127–136. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-127-136

Литература на русском языке:

Аванская В.А. (2018). Методология изучения эмоций в международных отношениях. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения*. № 3(13). С. 43–60. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-3-43-60

Коцур Г. (2021). Эмоции и международные отношения. *Международные процессы*. № 19(3). С. 43–67. DOI:10.17994/IT.2021.19.3.66.2

Нагорных О.В., Керимов А.А. (2018). Эволюция взглядов на роль эмоций в политике в зарубежной социополитической науке. *Политическая лингвистика*. № 4. С. 125–129.

Стрежнева М. (2024). Эмоции и аффект в мировой политике. *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 127–136. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-127-136